

"Мы противостояим мороку". Интервью с Верой Полозковой

05 сентября 2026

 Приоритетный источник в Google

Вера Полозкова

Этой осенью состоится мировая премьера мюзикла "1984" на стихи Веры Полозковой по мотивам антиутопии Джорджа Оруэлла. Действие романа перенесено в наши дни. Настоящее Время **поговорило** с российской поэтессой о работе над мюзиклом, жизни на Кипре, воспитании детей и о невозможности вернуться в Россию.

"Маленькое зло перерастает в абсолютную катастрофу гуманности"

– Во время пражского фестиваля Out Loud вы с вашим коллегой Борисом Барабановым представляли мюзикл "1984" по роману Джорджа Оруэлла. Когда вы в первый раз прочитали эту книгу? Помните свои впечатления о ней?

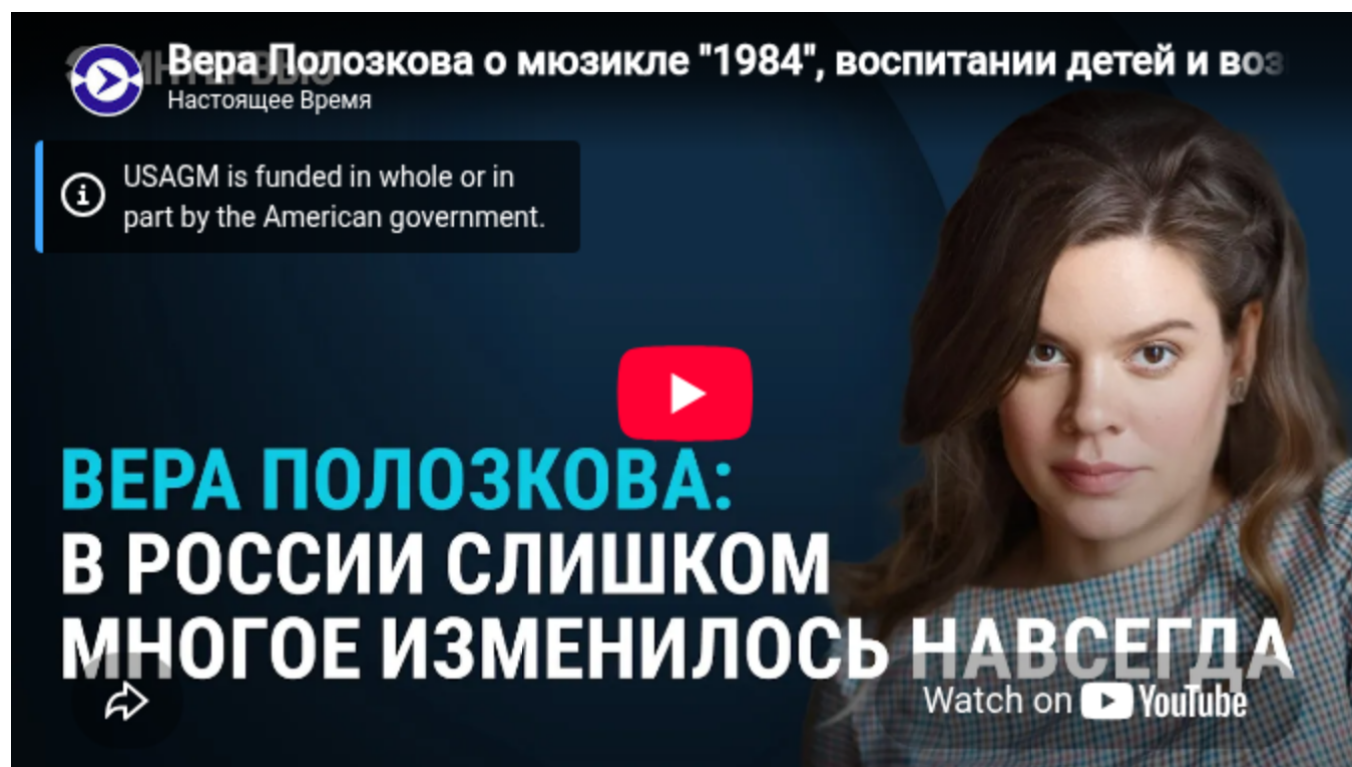
– В подростковом возрасте. Она меня, конечно, потрясла тогда, и мне кажется, именно поэтому с такой ясностью у меня пришло понимание, что мне нужно этим заняться, потому что всегда первое впечатление – главное. Но надо сказать, что сценарий по этой книге сильно отличается от книги.

– Сценарий мюзикла?

– Да, потому что сценарий еще задействует замятинские "Мы". Сценарий очень сильно адаптирован под время, потому что там все очень мультимедийно. Если в книге за нами следит только телевизор, то сейчас за нами следит практически все, что нас слушает и способно распознавать. Там довольно серьезно осовремененный текст, и он вписан в такой, наверное, не подразумевавшийся Оруэллом контекст, что все шоу и диктатура – это тоже большая система наведения морока. Потому что описанная в "1984" реальность была еще очень сильно дана в ощущениях. А то, с какой молниеносностью она подделывается сейчас, это даже страшнее.

Мне кажется, что до последнего следя за главным героем, мы не можем понять, он в вымышленной реальности или он в подлинной реальности. Его водят за нос с помощью технологий и подделывают ему восприятие. И это так интересно.

"Большой брат" в Крыму, Россия внедряет систему слежки с использованием искусственного интеллекта на аннексированном полуострове.

– Когда вы читали книгу в первый раз, могли ли вы представить, что спустя 80 лет после ее написания она будет актуальной?

– Моя мама, которая выносила четвертую копию "Доктора Живаго" за ремнем своих брючек с предприятия, на котором она работала, и очень молилась внутренне, чтобы не чихнуть, не упасть, не рассыпать, чтобы прочитать запрещенный роман и передать его дальше. Когда мы с ней об этом разговаривали, она говорила, что все могла представить, кроме того, что ее ребенок будет **в списке запрещенных авторов** . Когда библиотеки не выдают твои книжки, в том числе и детскую, потому что ты – злой разбойник Бармалей.

t.me/fotonegativki (Courtesy Image)

Антиутопия Джорджа Оруэлла "1984" в работе белорусского автора, t.me/fotonegativki

– Как вы работали над этим мюзиклом? Я так понимаю, что все участники проекта живут в разных странах?

– Мы ни с кем из этих прекрасных людей все еще не знакомы лично, и это одна из интересных особенностей времени. Мне кажется, мы сейчас очень быстро можем

установить, свои люди или нет. Для создания совместного творческого продукта важны вот это понимание и магия, когда все уже понятно без объяснений. Если ты попадаешь в ситуацию, где тебе все нужно объяснять, оправдываться, бесконечно переделывать, то это будет мукой. Нам было весело вместе работать, и понятно, что они меня не просто так позвали, они хорошо знают, кто я, и им нужна именно я.

Изнутри ситуации ты не думаешь, что пишешь какую-то вещь, которая должна тебе пережить. Ты просто радуешься и гордишься, что человек, которого ты слушаешь сам, получил твой текст два часа назад, а сейчас тебе присылают готовое демо, которое он спел в микрофон телефона, и уже готова песня. И от того, какая эта красивая песня, у тебя сердце пропускает удар. Вот и вся история, почему мы это написали.

– Механика написания мюзикла и механика написания собственных стихов, которые у вас рождаются, разная?

– Конечно, это актерская задача, потому что ты не можешь от своего имени написать. У тебя есть герои, и они разные, и они по-разному говорят. Там есть трусливый, скользкий Парсонс, есть прячущийся за маской всевидения Уинстон Смит и есть нежнейшая главная героиня. Они по-разному все говорят и по-разному поют. И, помимо творческой, у тебя есть еще актерская задача, потому что ты должен придумать, как ты за каждого из них скажешь. И самые подлые в этой пьесе люди говорят максимально высокопарно и невероятно вежливо, как это всегда бывает. А самый классный, прямолинейный персонаж очень по-разному говорит: от момента, когда он уверен в себе и думает, что тьма отступила, и он дает интервью на руинах империи, и потом, когда все очень резко меняется, у него меняется и язык.

**“ На новоязе не
поспоришь**

*– Могу я вас попросить прочитать фрагмент
из мюзикла?*

– Где из меня сырой кипящий, горький свет

Бил вольтовый дугой без отдыха и спроса,
Продольный, гладкий шрам с посадочный билет,
Идущий через весь упрямый череп косо.
Я непривычно пуст, сосредоточен, тих,
Отдельно от вытья, и поиска, и смысла,
Неразличим для всех охотников своих,
Стерилен и разъят на емкости и числа.
Иди сюда, ничем тебя не ослеплю,
Заживший ровный шов вдоль голода и дара,
Таким я нужен был сулившим мне петлю,

Дурдом, суму, тюрьму, чтоб сердце не рыдало,
Не тлело, не рвалось, не пело под грозой,
Смиренная труха и мудрая усмешка,
Зловещая слегка, как врезано фрезой.
Я рад, что ты пришла, молчи: за нами слежка.
Нам можно пять минут, прохожими в толпе,
Плечом к плечу стоять без ропота без цели,
Возможно, я дышу чтоб помнить о тебе,
Они забрали все, но память не сумели.

– Как вы думаете, почему из трех канонических антиутопий XX века – "Мы" Замятина, "Дивный Новый Мир" Хаксли и "1984" – именно роман Оруэлла стал культовым, растасканным на цитаты, на мемы?

**“ Люди, которые строят
вокруг тебя тюрьму,
искренне убеждены, что
они добра тебе желают**

– Его сила в невероятной точности деталей.
И в том, что люди, которые заново строят
вокруг тебя тюрьму, искренне убеждены,
что они добра тебе желают, они всем добра
желают. Они искренне убеждены, что их
параноидальный контроль – это забота о

безопасности. И ужас в том, что ты должен свои чувства, свое восприятие все время предавать, чтобы быть удобным для них, а для них так устроена забота о населении – вынуть из всех жизнь, душу, мнения, индивидуальность, всех смешать в одну какую-то гомогенную массу, которой очень легко управлять. Они думают, что они всем жизнь облегчают – и людям и себе.

Доблесть не в том, чтобы противостоять какому-то умозрительному вождю.
Доблесть в том, чтобы своему собственному коллеге и другу, который тебя убеждает не высовываться, вести себя потише, прятаться, не писать стишков, не исполнять песен и не протестовать, не дай бог, потому что его тоже коснется, если он с тобой общается. Вот это очень маленькое зло перерастает в абсолютную катастрофу гуманности.

– Попрошу еще прочитать стихи из мюзикла "1984", если можно – про новояз?

– Все то, что отравляет разум,
Все то, что вызывает горечь,
Мы заменили новоязом,
На новоязе не поспоришь.

В нем ни сарказма, ни подтекста,
Ни заковыристых ругательств.

На нем не выразить протеста,
Который ты так любишь, братец.

Оставили для новояза
Лишь то, что в жизни пригодится:
Слова восторга и экстаза
От обретения единства.

Слова почтения, приветов,
Признательности за щедроты,
Твои угрозы и наветы,
Из них не скажешь ничего ты.

Поэтому все наши песни
О славе были и о силе,
О том, как мы, собравшись вместе,
Врагов бесстыжих победили.

О том, какой чудесный вечер,
О том, как девушка смеется,
Мы разработали наречье,
В котором не заходит солнце.

В нем утверждались стиль и мера,
Призыв не ныть, а состояться,
А не бессилие лицемера,
Мыслепреступника, паяца.

С ним были неосуществимы
Ни преступления, ни войны.
Им пели дети, херувимы,
Пока вы были недовольны.

Вы вечно чем-то недовольны,
Свой род душевного недуга,
А нам несли радиоволны,
Как важно уважать друг друга.

Как сладок труд во имя мира,
Покоя и Большого брата.
А вы кому ничто не мило
И для кого ничто не свято,

Вы, исполнители заказа
По очернению государства,
Не заслужили новояза,
Не знали сказочного царства.

Вы грязный, ядовитый пастью
Всех нас высмеивали лживо,
Теперь вам странно, что несчастье,
Расплатой горькой послужило.

Вера Полозкова

"Кипр – большое в моей жизни благословение"

– Вы уже несколько лет живете на Кипре. Как вы сами сказали в одном из интервью, это маленький кусочек суши, окруженный морем. Море успокаивает?

– Да, море помогает. Море все меняет, правда.

– Как ваш греческий? Учите?

– Я знаю пятнадцать примерно слов, применимых в быту, которые резко располагают к тебе и таксистов, и официантов, и нотариуса, и кассира. А вот дети мои уже потихонечку поют песни на греческом и способны переводить мне в кино какие-то особенно трудные места, потому что иногда мы ходим в кино и смотрим Спайдермена по-гречески.

– А дети встроились в эту жизнь?

– Да-да. На самом деле Кипр, будем честны, одна из самых безболезненных площадок для погружения в новое. Я никогда не была на Кипре, пока мне не устроили там концерт, который два раза переносили из-за пандемии. Происходит вот это все: два месяца идет война, мы с детьми живем в Индии, потому что это была самая быстрая виза, которую можно было сделать – я приезжаю играть этот концерт, потому что обещала, и меня потрясло, насколько это безмятежное пространство, в котором всегда какие-то фантомные 70-е. Как будто это старое кино, где дедушки играют в нарды, пьют густой кофе, все очень неспешно. Одна машина в полчаса проезжает. Межсезонье это было. И я подумала: боже, есть люди, у которых прямо есть благословение, и они могут жить в таком месте постоянно. Когда я поделилась, как я восхищаюсь этим, моим подругам, которые меня туда вытащили, они сказали: "Может, мы поможем перебраться?"

Я подумала, что я, наверное, себе дам месяца три, а потом буду [что-то другое] искать. Потому что как на Кипре остаться, было не очень понятно. На Кипре один миллион триста тысяч населения. Это курортная зона и выжженные рыжие, красивые холмы с кустарниками. И уже через три месяца я поняла, что никуда не хочу уезжать. И каждый раз я куда-то летела: в Барселону, в Лиссабон, в Монреаль, в Нью-Йорк, в Париж – и смотрела, и думала: "Может быть, я поторопилась?" Но потом я возвращалась с мыслью: "Какое счастье!" Просто ни с чем нельзя сравнить это облегчение, когда ночью ты приземляешься в дорогом сердцу аэропорту Ларнаки, и я думаю: "Господи, наконец-то я дома".

Это бесценное чувство, что, например, тебя узнает таксист, которого ты вызвал, и вы уже с ним ездили, потому что их не очень много, мы все друг друга знаем. И он спрашивает: "Как ваши дети?"

Никогда в жизни мы не слышали никакой ноты брезгливости или отчуждения, что мы не местные. Количество людей, которые просто хотят нам помочь, быть полезными и о нас позаботиться, меня до слез доводит иногда. Поэтому Кипр – большое в моей жизни благословение. Я правда его очень люблю.

Вера Полозкова во время интервью
Настоящему Времени

"Я многое в жизни провалила, но этот проект, эта троица, офигенная"

– В одном из своих Вы интервью сказали, что духовность человека проявляется в том, как он общается с детьми, когда его никто не видит. Как вы общаетесь с вашими детьми, когда вас никто не видит?

– По-разному. Давайте будем честны: не всегда это признания в любви бесконечные. Я решила съездить и показать их своим друзьям в Черногории — моим друзьям из классных далеких театральных времен. Я приехала с детьми, и они получали от общения с моими детьми огромное удовольствие, и я сама по-другому на них посмотрела, потому что мы внутри рутины совсем не так много времени проводим вместе. У них есть школа, у меня куча работы, я улетаю-прилетаю, а тут мы были бесконечно, 24/7 вместе. Я поразилась, как они выросли и сколько у них всего происходит. Они ни разу не поругались за две недели между собой. И я подумала, что я многое в жизни провалила, но этот проект, эта троица, офигенная совершенно. И все мои беспокойства по поводу того, что они не адаптируются, что они застрянут, отстанут, остались позади, потому что у них такое количество друзей. Они говорят на трех языках и поют на трех языках. Они поставили спектакль и теперь они две недели поют песни на английском языке дома.

Дочь идет в первый класс, а у меня все время ощущение, что я привезла совсем малышей и мне нужно постоянно над ними держать крылья. Эти люди разрушили себе сами всех друзей, все дни рождения, на которые они ходят. Они меня просто в известность ставят, куда и когда они собираются, куда и когда они идут играть в футбол, с кем они идут купаться.

– Как вы умудряетесь работать с тремя детьми? Все-таки поэзия требует сосредоточения.

**“ Ты идешь как
городской сумасшедший, а
сам себе поешь**

– Мне кажется, это тема для стендапа. Особенно то, как я писала этот мюзикл, потому что я написала его за две недели, не отходя от детей, провожая их на автобус, встречая их с автобуса. Мне легче пишется,

когда я куда-то иду. Вот, я их провожала в школу, у меня был маршрут, за который я должна была песню успеть написать, и этот момент, когда ты ужеходишь к дому и специально медленно идешь, чтобы успеть две строчки последние придумать.

Это очень забавно, наверное, выглядит со стороны, как я пишу эти тексты, так как ты в этот момент объят, ты в наушниках, потому что ты переслушиваешь мелодию, и ты идешь, как городской сумасшедший, и сам себе поешь. Встречаешь детей с автобусов, приводишь, кормишь, пользуешься моментом, когда они все занимаются своими делами, кто-то смотрит мультфильм, кто-то делает домашнее задание, а ты быстро пошел, дописал, отправил, перечитал: вроде все помещается, – вернулся.

"Мои иллюзии закончились, когда мамы не стало и я не смогла ее похоронить"

– По моим ощущениям, люди, которые уехали из России в последние четыре года, делятся на две категории. Кто-то ждет окончания войны, чтобы вернуться в свои города, на свои улочки, в любимые кафешки, книжные магазинчики, а кто-то понимает, что не вернется никогда. Вы, я так думаю, относитесь ко второй категории. Как вы с этим осознанием живете?

– По-разному. Мои иллюзии по поводу того, что я куда-то когда-то вернусь, закончились, когда мамы не стало и я не смогла поехать с ней попрощаться и ее похоронить. Мне кажется, в этот момент многое переворачивается навсегда. Во-вторых – террористический список, уголовный розыск, заблокированные счета — это вещи, которые, даже если тебе их отменят, еще долго будут сопровождать тебя.

Я не могу сказать однозначно, что я не хочу съездить туда, когда все закончится, потому что я думаю, что это будет чувство совершенно оглушительное. Но возвращаться – нет.

Я думаю, что когда мы осознаем объем того, что изменилось навсегда, разговоры про возвращение сами собой исчезнут. Такие вещи никогда не проходят бесследно ни для человека, ни для государства, ни для психической картины населения. Мы очень осторожно выстроили жизнь новую из мокрого песка именно для того, чтобы иметь опору, не горевать все время и не оплакивать.

Вера Полозкова во время интервью Настоящему Времени

Моя последняя книга называется *Lost and Found*, потому что, кроме того необозримого, что оставлено, наверное, будет еще то, что нам откроется, — мы просто пока не можем себе представить. И за это я уже благодарна, и отдельно Я благодарна за то, что остров, на котором я живу, совершенно невероятный: дружные и обширные белорусские и украинские диаспоры, и я имею доступ туда и туда, я имею возможность ходить на ДахуБраху с моими украинскими подругами и на день рождения к Вове Цеслеру, который собирает большое белорусское коммьюнити потрясающих людей – музыкантов, художников, всех на свете. У меня был в Варшаве концерт в начале июня, и там внезапно собрался полный зал, и я в конце, не удержавшись от любопытства, говорю: "Друзья, вы можете сказать, откуда вы?" И выяснилось, что 65 процентов из Украины, еще 30 из Беларуси. Я была так глубоко до слез благодарна людям, что они продолжают мне доверять.

Есть чувство, что мы, то есть люди, которые понимают все правильно, противостоят лжи, противостоят мороку, понимают, что такое насилие, видят вещи одинаково. Все по одну сторону, между нами вражды никакой быть не может. Для меня это самое главное.

Этот контент также в категориях

Общество

Интервью

Культурный дневник